

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НУЖДАЕТСЯ НЕ В СИЮМИНУТНЫХ РЕШЕНИЯХ, А В СИСТЕМНЫХ ДЕЙСТВИЯХ»

Интервью главного редактора журнала SPERO Т.М. Малевой
с вице-премьером правительства РФ по социальным вопросам О.Ю. Голодец

Профессиональная биография Ольги Голодец давно и неразрывно связана с социальными проблемами современной России. До назначения в 2010 г. на должность заместителя мэра в правительстве Москвы по социальным вопросам Ольга Голодец являлась председателем Совета директоров страховой компании «Согласие». Ранее она работала директором социальных программ Фонда «Реформуголь», начальником Управления социальной политики и персонала, заместителем генерального директора по персоналу и социальной политике ОАО «ГМК «Норильский никель», заместителем губернатора Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа по социальным вопросам, президентом Общероссийского межотраслевого объединения работодателей-производителей никеля и драгоценных металлов. В мае 2012 г. О. Ю. Голодец назначена на пост вице-преьера правительства РФ по социальным вопросам.

Фото: ria.ru

Т. М.: Уважаемая Ольга Юрьевна!

Мы планировали интервью с вице-мэром правительства Москвы по социальным вопросам. Сегодня я уже говорю с вице-премьером правительства России по социальным вопросам. Во-первых, поздравляю Вас с этим высоким назначением. Мне предельно ясна вся тяжесть ответственности, которая отныне легла на Ваши плечи, и, тем не менее, поздравляю, поскольку такое назначение — это прежде всего признание Вашего профессионализма, ответственности, умения решать масштабные задачи. Во-вторых, видимо, это Ваше последнее интервью в качестве вице-мэра правительства Москвы, и поэтому оставим общероссийские социальные вызовы на будущее, а сегодняшнюю беседу посвятим Вашей деятельности в Москве.

Итак, прошло всего полтора года после Вашего прихода в правительство Москвы. Реально ли сделать за год-два что-то серьезное? Или же этот срок бесконечно мал?

О. Ю.: Абсолютно реально. Люди, живущие в нашем городе, это, я надеюсь, почувствовали. Судить можно даже по тому, какие вопросы задаются сегодня мэрии — изменились сами темы претензий и жалоб.

Начнем с образования, так как в той или иной степени это касается почти каждой московской семьи, у всех есть дети в школе, или в детском саду, или в московских вузах. Самое главное наше достижение — мы дали каждому ребенку место в детском садике. И если раньше главный поток писем касался нехватки мест в детских дошкольных учреждениях, то сегодня — это обращения типа «прошу перевести ребенка из одного сада в другой», «прошу перевести из группы кратковременного пребывания в группу полного дня» и пр.

С чего мы начали полтора года назад? С детального анализа реального положения дел и, в первую очередь, с демографического анализа. Далее городу была предложена программа развития образования, и впервые она опиралась на демографический прогноз будущих тенденций. Это то, чем наша программа выигрышно отличается от всех предыдущих. Мы увидели, что в Москве каждое следующее поколение будет больше предыдущего, и эта тенденция будет актуальна ближайшие 8 лет. И получается, что разрыв между поколениями, которые уходят из школы и которые идут в школу, весьма существенен, в некоторые годы он составляет 30–40 тыс. детей. Если поколение выпускников сейчас составляет 70 тыс. ребят, то детей, которые родились в прошлом году и соответственно пойдут в школу через 7 лет, более 125 тыс. Не правда ли, ощутимо? И для того чтобы не решать проблему каждый раз «с колес», нужно ясно видеть эти тенденции и идти впереди ситуации, а не за ней.

Т. М.: Нет ли опасений, что решение вопроса о формальной доступности образования — достаточное число учебных мест, их оснащение, территориальное размещение и пр., — заслонит собой другую проблему — качества образования? Сейчас в России эта тема активно обсуждается. А москвичи к ней особенно чувствительны. Здесь критерии и требования к качеству образования по совокупности понятных причин заметно выше.

О. Ю.: Да, Москва видит эту проблему. Но, как ни покажется странным, решение количественной задачи подтолкнуло нас к решению качественной. Приведу пример. Когда остро стоял вопрос о дефиците мест в детских садах (в сентябре позапрошлого года очередь составляла около 70 тыс. чел.), мы обратились в школы с целью активного развития программ дошкольного образования. И попали в точку! Ведь школьное образование должно «смыкаться» с дошкольным. А мы как раз и создали «мостик» между дошкольным и начальным школьным образованием — финансированием, нормативными документами, организационными действиями. Сейчас перед педагогами и методистами мэрией поставлена задача — добиться преемственности учебных планов и программ дошкольного обучения и начального школьного обучения. Зачем ребенку по 2 раза учить одно и то же? Зачем его после детсада переучивать в школе? Зачем понапрасну тратить время — и его, и пе-

дагогов? Весь этот процесс должен быть плавным и максимально щадящим в отношении здоровья, но в то же время интересным, дабы поддерживать традиционное детское любопытство.

Тем не менее остается очень много проблем: у нас очень сильно отстают программы гуманитарного развития. Понимая это, московское правительство активно поддерживает и развивает программу «Культура в детском саду» — это знакомство с музыкой, с художественным искусством, сюда же встроены занятия в музеях. Она охватывает абсолютно все детские сады Москвы. Мы гордимся тем, что наши московские детишки сегодня могут порассуждать на тему искусства, они бывают в театрах, музеях, у них есть свой культурный опыт и мнение.

Вторая тема — это качество образования в московских школах. Сначала мы замахнулись на святое. Первым звонком был нашумевший факт, что одна из московских школ не получила аккредитацию. Было очень много споров и возмущения, но в итоге этот эпизод привлек внимание к качеству образования. Тогда мы пошли на второй и тоже довольно рискованный шаг — рейтингование школ. Все школы города Москвы получили свой рейтинг. Мы и москвичи увидели лидеров московского образования, устойчивую середину и аутсайдеров.

Т. М.: Другими словами, была обнаружена группа «плохих» школ? Уверены ли Вы, что там нет случайностей?

О. Ю.: Мы внимательно исследовали школы из числа отстающих. Есть школы для детей с отклонением развития, но такие учебные заведения из общего рейтинга были удалены, для них разработаны другие показатели эффективности. Да, мы увидели школы, в которых просто плохо учат. Методика рейтингования утверждалась экспертным советом, все эксперты практически сошлись во мнении, когда обсуждали итоги. Рейтинг совпал с формальным отношением к школам.

Был сформирован второй рейтинг, про себя мы его называем «народным» рейтингом. Это электронная запись в первый класс. К этому нас сподвигло не только желание понять, какие школы в глазах людей имеют авторитет, а какие — нет. Была большая административная проблема, которую город наблюдал из года в год. Каждое 1 апреля родители выстраивались в изнурительные очереди на запись ребенка в первый класс. В городе по этому поводу царил нервозность. И это при том, что учебных мест в целом было вполне достаточно! Мы предложили принцип — семье предоставлялось место в школе для ребенка по адресу проживания. Но помимо этого гарантированного места родители могли выбрать для своего ребенка еще две школы. И мы увидели, что треть родителей в своем выборе остановились на той школе, которая находится рядом с домом. Приближенность к дому — это первый критерий выбора. Второй критерий — многие родители выбрали те школы, которые, с их точки зрения, относятся к «сильным». Когда закончилась запись в первый класс, мы поняли, что можем удовлетворить всех, не отказать никому в приеме в ту или иную школу.

Да, действительно, было обнаружено, что 82 школы не набрали ни одного первого класса. И сейчас думаем над вариантами их развития в дальнейшем. Один из путей — некоторые школы договариваются об объединении с другими, более сильными школами. Для системы образования это огромный выигрыш, если есть школа-локомотив, которая ведет за собой более слабую школу.

Но и это не все. Если мы раньше думали только о результатах выпускных классов, то сегодня предлагается включить в оценку и 4-е классы, чтобы все видели школу на всех этапах. Нельзя ждать высоких результатов в 11-м классе, если образование на предшествующих стадиях хромает. Чем раньше обнаружатся проблемы, тем легче вмешаться в процесс. И это тоже путь к повышению качества образования.

Т. М.: Не боитесь недовольства в связи с таким объединением школ? Есть же опасение, что, слившись со слабой школой, сильная может снизить свой уровень? Этого боятся и директора, и педагоги, и родители.

О. Ю.: Именно поэтому мы всячески помогаем директорам сильных школ, которые берут на себя такую тяжелую ношу. Но иного пути нет. У сильного директора уже отработаны свои механизмы, подходы, методы. Директора абсолютно осознанно идут на такой шаг. Очень важно то, что система московского образования стремится к максимальной открытости. Ни один из серьезных вопросов не решается без родительского комитета школы. Вовлечение гражданского общества в решение проблем образования стало нормой, к этому привыкают все — и родители, и педагоги, и школьные администраторы.

Т. М.: В этой связи вопрос — как родитель может оценить качество образования, если он сам не является специалистом в той или иной области?

О. Ю.: Есть объективные системы оценок, по которым вполне ясно можно понять, хорошо или плохо учат, например, английскому языку в определенной школе. На московское сообщество можно полагаться, это сообщество, которое обладает высоким уровнем профессионализма и культуры. Эти качества дают Москве уникальное преимущество. И именно поэтому мы пытаемся максимально открыть двери школ для родителей. Не только для того, чтобы они контролировали школы, но и для того, чтобы делились своими знаниями, навыками, культурой.

Т. М.: Понятно, что невозможно добиться, чтобы все московские школы были одинаково хорошими и дружно возглавляли топ-лист. Но Москва с ее ресурсами, возможностями и амбициями может и должна ставить задачу, чтобы у нее не было плохих школ. А каковы различия в «портрете» хорошей и плохой школы?

О. Ю.: Этот вопрос фактически сводится к составу педагогического коллектива и системе управления. Плохие школы, как правило, — это школы, в которых директора утратили управление школой, где очень слабо организован учебный процесс, низка требовательность к педагогам, полностью

отсутствует связь между оплатой труда педагогов и результатами их работы. Такovy системные проблемы.

Т. М.: По нашим оценкам, в Москве 35% от числа ее жителей составляет средний класс, то есть люди с высшим образованием, относительным достатком и высокой самооценкой. Но, кроме того, существует еще большая социальная группа, которая не «дотягивает» до этого уровня, они, возможно, по доходам еще и не средний класс, но ощущают себя средним классом и ведут себя как средний класс. И получается, что людей, для которых очень высока ценность хорошего образования — школьного, вузовского, поствузовского, гораздо больше, чем численность среднего класса.

О. Ю.: Вы правы, в Москве стремление к хорошему образованию характерно практически для всех социальных групп. Оно и понятно: у нас выше уровень образования и в целом высока концентрация человеческого капитала. Это диктуется всему московскому обществу. Планка у московских родителей очень высокая, многие готовы сотрудничать со школой. Есть трогательный пример: в детском саду папа рассказывал о симфоническом и духовом оркестрах и сын очень им гордился. Другие дети тоже «заразились» и привели своих пап, чтобы они тоже рассказали что-то интересное и чтобы ими тоже можно было гордиться. Получилась целая серия интересных уроков.

Но, конечно, есть и неблагополучные семьи. Чаще всего это бедные, многодетные и неполные семьи. Это не новость. Новость в другом — среди проблемных семей появились относительно благополучные, которые вполне попадают под определение «средний класс», но именно в этих семьях появилась проблема детского суицида.

Т. М.: Видимо, эта тема, тема ребенка в мегаполисе, которая приобрела в Москве столь острый характер, не случайна?

О. Ю.: Да, совершенно очевидно, что тема ребенка в мегаполисе в нашем городе встала в полный рост. В мегаполисе многие процессы идут по-другому — острее, агрессивнее, опаснее. Например, распады семей, как следует из демографических исследований, в городской среде происходят активнее, в мегаполисе — тем более. А дети очень болезненно переживают разводы родителей, расставание с отцом или матерью, жизнь в неродной семье. Социальное неблагополучие в большом городе вообще имеет свою специфику и даже имеет тенденцию к нарастанию. Помимо психологического здоровья, в столь специфической среде есть темы физического здоровья. Например, по уровню заболеваемости Москва в среднем отличается в существенно лучшую сторону, а по детскому травматизму статистика «зашкаливает», в Москве он в 1,8 раза выше, чем в других городах. Мегаполис — это риски, связанные с транспортом, сложной технической инфраструктурой, небезопасным поведением на дорогах и т. д.

Т. М.: Нет ли опасности, что любое правительство выбирает лишь те направления действий, где можно достичь быстрого и эффективного результата:

граждане заметят и оценят? Но многие социальные процессы обладают инерцией. Например, мотивация врачей или учителей. Чтобы их изменить и почувствовать результат через 10 лет, нужны действия сегодня. А их сегодня могут не заметить и не оценить. Как Вы видите эту проблему? Иначе говоря, готовы ли Вы предпринимать меры в ближайшее время, заведомо зная, что эффект будет достигнут очень нескоро? Этот вопрос будет стоять перед Вами и в должности вице-преьера.

О. Ю.: В жизни краткосрочные и долгосрочные приоритеты часто нельзя разделить. Для меня на старте работы в Москве было очень важно получить результаты, которые нужны немедленно, например, устранить очередь в детских садах, или обеспечить нормальный процесс записи в первый класс, или сократить очередь на операции по эндопротезированию. Но есть и долгосрочные задачи: мы стремимся к формированию социальных систем, которые опираются на высококвалифицированные кадры — педагогов и врачей, специалистов, которых Москва достойна. Профессионально-квалификационный уровень людей, работающих в социальной сфере Москвы, должен быть высок. Только за последние полгода уровень оплаты труда в детских садах вырос фактически на 30%.

Т. М.: А есть ли связь между оплатой труда и качеством услуг, в данном случае работы воспитателей? Разве она прямая? Мы исследовали этот вопрос на примере здравоохранения, и выяснилось, что большинство работников этой системы воспринимают повышение заработной платы как возвращение долга, накопившегося в течение многолетнего пренебрежения к оплате труда в бюджетной сфере, но не как стимул к росту качества.

О. Ю.: Конечно, если врач или учитель недостаточно квалифицирован, повышение оплаты труда ничего особенно не даст. Но, тем не менее, связь есть. Нормально оплачиваемые рабочие места становятся привлекательными для действительно квалифицированных специалистов. Только за прошлый год 12% персонала в детских садах было замещено. Эти рабочие места стали интересны для молодых выпускников педвузов, которые уже не бегут из государственных учреждений в поисках работы, часто вообще не связанной с их базовым образованием. Мы надеемся, что постепенно произойдет эффективное замещение, уровень квалификации педагогов, врачей изменится, для этого создаются все условия. Особое внимание в данном вопросе всегда уделялось системе здравоохранения.

Если мы хотим, чтобы наше здравоохранение хорошо работало, нужно думать об элементарном порядке на каждом шагу. Мы требуем от главных врачей чистоты и порядка, и это возможно в каждом учреждении! А это зависит от кадров и руководства. В московском здравоохранении идут кадровые изменения, только за прошлый год было заменено около 30% руководителей, потому что изменились требования к организации процесса, к качеству медицинской помощи. Мы социологическими методами измеряем уровень удовлетворенности со стороны москвичей и видим, что кривая этой удовлетворенности ползет вверх.

Это пример того, как можно разрешить противоречие между краткосрочными и долгосрочными мерами в социальной политике. Часто это противоречие мнимое.

Т. М.: Конечно, Москва — уникальный российский мегаполис. Ее важнейшее преимущество в социальной сфере — наличие значительных финансовых ресурсов, которыми не могут похвалиться другие крупные города. И есть убеждение, что в Москве все лучше — безработица ниже, пособия выше, оснащенность социальными объектами лучше. Другими словами, «Москва впереди России всей». Но есть индикаторы социального самочувствия, которые выше в других городах. Готова ли Москва учиться у них? Не помешает ли ей привычное чувство лидерства?

О. Ю.: Конечно, есть исследования, согласно которым жизнь в городе с 30 тыс. населения для человека комфортнее: другой воздух, спокойствие жизни, отсутствие транспортного напряжения. Я хорошо знакома с такими исследованиями. Проблема, которая невыгодно отличает Москву от других городов, даже крупных, — это, разумеется, экология. В правительстве Москвы данная тема является приоритетной. Но помимо действий московских властей требуются усилия и со стороны гражданского общества. Можно увеличить штрафы за нарушения правил парковки, но пока мы сами внутренне не приходим к осознанию того, как мы хотим жить в нашем городе (чтобы машины не парковались на тротуаре, человек не выбрасывал мусор, где вздумается, и пр.) — мало что получится в итоге.

Сегодня очень много делается по развитию парков, комфортной среды для отдыха, но пока мы очень далеко отстоим от эталона. Конечно, нам предстоит пройти огромный путь.

Но все же у нашего города есть и неоспоримые преимущества. Москва — это прежде всего культурная столица. Здесь более 100 театров, по их количеству мы опережаем все остальные российские города, в Москве проходят премьеры, выставки, дискуссии, культурная жизнь идет полным ходом. И мы не должны себя недооценивать.

Т. М.: А давайте сравним культурную жизнь Москвы и Санкт-Петербурга. Я имею в виду не формальное число театров и народных артистов, а сам стиль. В Питере намного больше мероприятий небольшого формата, например, камерный концерт, клуб любителей «Серебряного века», музыкальная студия, студия современной живописи. Возможно, в этом есть «архитектурная причина»: в Питере в большом количестве сохранились небольшие залы в бывших дворянских особняках и усадьбах, где «живут» эти камерные формы, чего нет в Москве. Но часто эти малые формы интереснее и приятнее, чем поход в Большой театр, в них есть необъяснимая прелесть. Заходить раз в неделю в маленькую студию, может быть полезнее, чем раз в год в Большой зал консерватории? Ведь это и есть наполненная культурная жизнь. Можно ли в Москве эти формы поддерживать и развивать?

О. Ю.: Мы пытаемся их вплести в жизнь города, охватывая даже самые отдаленные районы. Из Бутова каждый день в театр не наездишься. Это не секрет. Среда, о которой Вы говорите, в Москве есть, она растет, обра-

зуются клубы для молодежи и не только, открываются сцены для новых коллективов, развиваются малые художественные формы — Москва будет все это поддерживать.

Т. М.: И последнее. Наш журнал адресован, в первую очередь, экспертно-аналитическому сообществу, которое занимается проблемами социального развития. И нас, конечно, волнует вопрос, в какой мере наши исследования будут востребованы властью и могут повлиять на ход этого развития. Мой вопрос уже не к вице-мэру Москвы, а вице-премьеру федерального правительства. Как Вы собираетесь строить отношения с экспертным сообществом в процессе решения тех многотрудных проблем, которые отныне стали сферой Вашей ответственности, словом, Вашими?

О. Ю.: Где бы я ни работала, для меня всегда была очевидной необходимость связи с научным сообществом и научными исследованиями. Меня не надо в этом убеждать. У меня за плечами есть свой исследовательский опыт, который мне помогает в работе ежедневно. Этим и отличаются действия сиюминутные и системные. Социальная политика нуждается именно в системных действиях, а посему связь с наукой — это не просто мое или чье-либо пожелание, это императив. И я надеюсь на профессиональную поддержку и жду ее со стороны экспертного сообщества.

Т. М.: Ольга Юрьевна! Благодарим Вас за это интервью, которое, я уверена, станет событием для нашего журнала. Но главное — мы искренне желаем Вам успехов и реальных достижений на новом поле Вашей деятельности. Мы все заинтересованы в Вашем успехе не только как специалисты в области социальной политики, но и как граждане страны, которые мечтают об устойчивом и гармоничном социальном развитии. Еще раз большое спасибо!